Двойной альбом

(сценарий фильма, который никогда не будет снят)

Середина 1980-х. Осень, в небольшом скверике привычно толкутся местные меломаны. В основном это парни лет 16-20-ти. Но есть люди и постарше. Даже сорокалетние солидные мужчины в потертых джинсах с толстыми портфелями, все они что-то тихо и неразборчиво говорят своим собеседникам, показывая заграничные пластинки в ярких ’’фирменных” конвертах. Слышны лишь обрывки фраз: «За сколько сдаешь?... Последний Элтон есть?... За пять-ноль идет? Итальянцами не интересуетесь?...». Бородатый мужчина держит руках конверт с изображением какой-то западной рок-группы: на черно-белом фото четверо музыкантов в строгих черных костюмах при галстуках, с безукоризненными прическами, с серьезными и как будто даже печальными лицами. Мужчина раскрывает конверт: внутри альбома из двух пластинок те же музыканты в самых невероятных позах, в вызывающе нелепой одежде, их лица раскрашены во все цвета радуги, всклокоченные волосы оранжево-фиолетового оттенка...

На фоне этой цветной фотографии появляется название фильма «Двойной альбом» и идут титры, во время которых звучит закадровый голос: «Когда-то я довольно часто приходил люда. Еще в школе пристрастился записывать и перезаписывать диски модных, или как мы тогда говорили «клеевых» групп. Казалось, без рок-музыки жизнь просто не существует...

- Ну, что, берешь?, - хрипловатым голосом говорит бородач главному герою фильма. Тот отрицательно машет головой и идет прочь по шуршащим кленовым листьям. Его зовут Алексеем. Ему не дашь больше тридцати, он сотрудник единственной газеты этого небольшого провинциального городка. Одет в темный плащ и джинсы, которые, слава богу, теперь можно купить, в любом универмаге...

Алексей идет вдоль затейливой ограды, за которой виднеется здание двухэтажной школы. Ему навстречу бежит парнишка лет шестнадцати.

- Леха! Ты уговор помнишь? Сегодня к уроку литературы никто не готов. Ты тоже. - Понял? Учти, я тебя предупредил...

- Там посмотрим, уклончиво отвечает Алексей, которому здесь 16 лет…

Позвякивая стеклами, неспешно движется трамвай.... На него смотрит из окна второго этажа тридцатилетний Алексей. Это одна из комнат редакции газеты. За столом напротив сидит лысый человек лет сорока, вальяжно раскинувшийся в кресле.

Это заведующий отделом Михаил Эдуардович. Монотонным голосом он диктует молоденькой сотруднице, печатающей на машинке: «В современной ситуации, когда…».

- Слушай, Леша, - обрывая свою гладкую речь на полуслове, спрашивает Михаил Эдуардович. - Ты в курсе, какую телегу накатал на меня Жукровский? Старик, ты много потерял, вчера на собрании... Я и свои грехи знаю. Но он-то тоже не ангел! Я так ему...».

Открывается дверь, заглядывает секретарша: "Петров! К редактору!".

Алексей встает, выходит в коридор. Навстречу идет тучный седовласый мужчина с гранками в руках.

- К четырем часам материал должен быть сдан в секретариат. Не вздумай задержать, - скороговоркой выпаливает мужчина.

Алексей открывает дверь в кабинет редактора.

- Присаживайтесь, Петров… Редактору около шестидесяти. Серый пиджак. Очки в немодной оправе, в руках толстый красный карандаш. – Ваш материал я снял с полосы. Поймите, я уже не раз говорил вам, что у нас провинциальная газета! И нашему читателю совсем неинтересны ваши глубокомысленные размышления о форме и художественных особенностях. Да, нам нужна критика. Особенно в свете, нынешней перестройки. Ну, так и скажите прямо: чему учит данное художественное произведение, кого воспитывает? А эти ваши стилистические выкрутасы уберите прочь. Из-за них и объем растет. Двести строк. Больше не надо, Еще Антон Павлович Чехов учил: "Краткость - сестра таланта"! Вы меня хорошо поняли?

Из небольшого репродуктора на стене кабинета приглушенно доносятся слова очередного эстрадного шлягера: «Разлук так много на земле и разных судеб...", мерно постукивает маятник массивных стенных часов с дарственной надписью.

- Но неужели, Иван Борисович, - заметно волнуясь, отвечает Алексей, критику можно раз и навсегда разделить на столичную и провинциальную? Почему в нашей газете мы должны ориентироваться на какого-то усредненно-недалекого читателя? Я думаю...

- Я уже слышал, что вы умеете думать! Хватит демагогии! Идите работать.

... На нас снова глядят глаза шестнадцатилетнего Леши. Он стоит, прижавшись к стене какого-то обшарпанного сарая, вокруг - недобрые лица одноклассников.

Я же тебя, Леша, предупреждал, - цедит сквозь зубы один из так называемых "неформальных лидеров" 10-го "б" – самоуверенный брюнет Гарик. - Какого черта ты поперся к доске? Ты же своих товарищей заложил. Новых своих товарищей. А мы тебе сразу сказали, как только ты к нам перевелся, что мы не уважаем отличников и «шестерок». Вот теперь самое время пожалеть, что ты спортом не увлекаешься...

И сразу резкий удар ниже пояса. Леша пытается устоять на ногах. Еще удар. На этот раз - в лицо. Бьет только Гарик. Остальные - кт0 безучастно, кто иронически - смотрят.

- Молчишь - в дерьме торчишь, - пытается острить Гарик, но тут неожиданно получает ответный удар. Правда, не слишком умелый, явно дилетантский.

- Никита, товарищу, кажется, показалось мало, - с подчеркнутым удивлением говорит Гарик стоящему рядом двухметровому силачу. - Сделай так, чтобы стало всё ясно, а то еще к директору пойдет правду искать.

Никита уверенным движением боксера бьет Алексея в челюсть. Тот падает она ворох опавших листьев.

- Пойдем, кенты, а то наша комсомольская организация лишиться одного

из самых молчаливых и преданных делу коммунизма членов. - Гарик берет из рук стоящего рядом парня небольшой магнитофон и нажимает кнопку: "Мишел, ма бел…» - слышится нежный мотив известной песни "Битлз”...

Та же песня продолжает звучать в маленькой полутемной комнате с низкими потолками. Зеленый торшер освещает ее немного таинственным светом. На диване сидят, рассматривал пластинки в ярких конвертах Леша и его друг Сергей.

Ты знаешь, - негромко продолжает разговор Сергей, - "Битлз"- это, конечно, классика. Их можно слушать без конца. Но сейчас я открыл для себя "Пинк флойд". Хочешь послушать их последний концерт?

Поставь... Только после сегодняшнего в свой класс идти не хочется. В твою школу что ли перевестись? Обидно, что их много, а я один. Вот тебе и спорт...

Да брось ты, осталось-то всего несколько месяцев. Как-нибудь перекантуешься. А там институт…

- Сказанул. Туда еще поступить надо. Конкурс, сам знаешь. Особенно в Москве.

- Да ладно, кому же поступать, если не тебе? Никите вашему, что ли? - Сергей аккуратно сменил пластинку на проигрывателе.

- Именно. Вот он-то как раз первый поступит, шесте с Гариком. Один из-за сверхмощной мускулатуры. Другой по мановению отцовской палочки-выручалочки. А вот тебе придется серьезно попотеть на вступительных в музыкальный. Там на экзаменах последний «Пинк флойд» не спросят,

Звучит «Обратная сторона луны» «Пинк флойд". И под эту музыку медленно идет траурная процессия. Молодые парни лет 17-18 несут сверкающий на солнце металлический гроб... Это видение возникает на насколько секунд и гаснет вместе с музыкой. В темноте сквозь последние музыкальные аккорды все сильнее слышен характерный типографский гул. Это печатают очередной номер местной газеты.

Тридцатилетний Алексей берет в руки только что вышедший из печатного станка свежий оттиск, идет по длинному, плохо освещенному коридору,

Типография построена давно: высокие потолки, стены с потрескавшейся штукатуркой. Алексей входит в небольшую комнату, где в старом кожаном кресле уютно устроился ответственный за выпуск - голубоглазый блондин с курчавой бородкой.

- Ну что, можно подписывать в свет?

- По-моему, да, - отвечает Алексей. - Юбилейную статью три раза вычитывали. Оттиск нормальный...

Ну и слава богу, что без проколов. А по поводу утреннего разговора с шефом - особенно не печалься. Через месячишко он в отпуск пойдет, вот и тиснем твой материал. Я его прочел - крамолу там и под лупой не заметишь... И вообще, ты на нас не смотри. Пятый десяток, брат, не шутка. А ты далеко пойдешь. Если во время не остановят…

- Да дело не в материале, Валерий Тимофеевич. Дело в принципе…

...Идет траурный митинг на кладбище. Рядом с металлическим гробом -

трибуна. На ней пожилой человек читает что-то по бумажке. Но слов не слышно - над скорбной толпой пролетает реактивный самолет, идущий на снижение…

На экране телевизора тот же реактивный самолет. Или почти тот же. Потом идут документальные кадры знаменитого советско-американского космического полета "Союз- Апполон". Середина семидесятых годов. Алексею снова шестнадцать. Он смотрит на телеэкран. Мимо проходит отец, мельком глядит в телевизор.

- Опять миллионы рублей выбросили на ветер, - отец раздраженно ищет какую-то книгу в шкафу. - Зачем нам эти американцы; Разрядка! Разрядка! Всё равно обманут. Лучше бы на сельское хозяйство обратили внимание, колбасы хорошей давно уже не найдешь в магазине. Вокруг алкашей и хапуг развелось... А они - космос! И ты тоже - воскресенье, а пялишься в ящик. Пошел бы лучше прогулялся по свежему воздуху, раз уроки сделал…

Леша молча встает, идет в коридор одеваться. Когда за ним захлопывается дверь, отец переключает телевизионный канал. На экране возникают радостные лица аккуратно одетых молодых людей и девушек. У некоторых в руках гитары. "Дорога железная, как ниточка тянется..." - звучат слова песни. Отец выключает телевизор. Какие-то секунды на его экране еще видна тусклая световая точка…

Осенний пляж. Серое море устало перекатывает волны. Леша и Сергей медленно идут по песку. Впереди бежит собака.

- Может, к Ленке надо было зайти, - Алексей подбрасывает в руке камешек. - Или боишься, что она уроки не сделала?

- Она почти согласна, - Сергей пропускает иронию друга мимо ушей. - Завтра, когда родители будут на работе, она сама придет ко мне...

Леша страшно завидует тому, что Сергей имеет успех у прекрасной половины человечества. Но старается не подавать виду:

Ты уверен, что у тебя получится? - спрашивает Алексей, привычно пользуясь полной откровенностью друга в "любовных делах".

Надо же когда-то начинать, попытка - не пытка... Дома я тебе новую песню сыграю - вчера сочинил, недавно от нечего делать подсчитал свои мелодии - на рок-оперу уже, наверное, наберется.

- Кстати, вчера по «Голосу» передавали «Исус Христос - суперстар". Там солист из "Дип пёпл". Слов не понял почти. Но музыка классная! Постарайся достать диск.

Алексей подбирает на берегу плоский камешек и бросает его в воду…

Схожу к Симону. Он хвалился, что уже достал... А может позвать Женьку, Вовика, Колю и записать на "маг" свою? Как ты? Текст сварганишь?

- О'кей! Предлагаю в качестве сюжета нашего рок-хита сказку «Синяя борода». Сойдет?

Слушай начало: та-та-та, па-па-па-ба. - Сергей усиленно пытается изобразить звучание различных инструментов. Машет руками и поднимается по широкой каменной лестнице вверх. За ним, подражая движениям гитариста – Леша. Над морем кружатся чайки.

- Та-та-та, па-па-па-ба, - мурлыкает себе под нос взрослый Алексеи, сидя

за столом редакционном комнаты. Он пишет очередной материал в номер.

- Я скоро уйду. - Михаил Эдуардович поправляет остатки волос на голове. - Если будет звонить жена, скажи, что ушел на совещание. Девочку снял на этот раз – закачаешься! Первый сорт! Эх, еще лет пять назад можно было бы та-а-к загудеть... Да ещё прихватить её подружку…

-Ты еще вспомни покойного Митрича и "забеги в ширину" на его "подшефной" базе отдыха. Не надоело?

А тебе не надоело строчить о возвышенных материях? Да еще в прессу центральную отсылать. Всё равно же не печатают. Там своих таких - пруд пруди. И тем печататься негде. Так что каждому своё. Я, например, на штурм Москвы не претендую. Мне и здесь хорошо. Квартиру себе выбил, "стенку" финскую достал. По 250 строк ежедневно сдаю, пить бросил. Почти… Считай - перестроился. Вот так-то...

Михаил Эдуардович смотрит на часы, лениво набирает по телефону номер и чрезвычайно дружелюбно говорит в трубку: "Старик, выручай, нужна машина… До зарезу нужна, старик… Получив, как видно, положительным ответ, неспешно отрывается от кресла и выходит.

Алексей, на минуту отложив ручку, ищет что-то в ящике, затем снова пишет, согнувшись над столом, заполненным разного рода бумагами и справками.

Открывается дверь. Заходит старик в красном берете, здоровается, подсаживается к столу.

- Молодой человек, - шепчет он каким-то особенно "секретным" голосом. - Вам удивительно повезло. Я принес зам неизвестные подлинные рукописи Александра Сергеевича Пушкина. Вот они, прошу взглянуть.

Старик дрожащими руками раскрывает пухлую с фиолетовыми тесемками и достает аккуратно сложенные листы пожелтевшей бумаги. Это машинописный текст. На верхнем листе отчетливо видны строки: "У Лукоморья дуб зеленый…». Внизу размашистая подпись красным фломастером — А. Пушкин.

Алексей некоторое время рассматривает поданные стариком листы.

- Вы не по адресу обратились. У нас не литературный музей. - Он старается сдержать улыбку. - К тому же подлинники заверяются печатями экспертов.

Старик что-то обиженно бормочет, затем торжественно достает из портфеля еще одну пожелтевшую страницу. На ней надпись: "Сим удостоверяю, что рукописи, принадлежащие ветерану труда Спиркину А.З. подлинные. Главный эксперт СССР П.Г. Иванов". Далее - неразборчивая подпись тем же красным фломастером и явно самодельная печать.

- Вот, и документ официальный есть, а никто не верит. Я это и в Кисловодске показывал...

- Так вы из Кисловодска? - хватается за спасительную соломинку Алексей. - Должен вас разочаровать: мы печатаем материалы только местных авторов...

Так у меня и рукописи Антон Палыча Чехова есть! А хотите я вам, молодой человек, ещё и свои стихи почитаю?

- "Пускай нет мяса в магазинах, и пусть давно нет колбасы… - не дожидаясь ответа начинает выводить на распев «разоблачительные» строчки старик.

Товарищ Спиркин, я же пояснил: мы печатаем стихи только авторов, имеющих городскую прописку. У вас паспорт есть?

Э-эх, - старик медленно поднимается со стула. - Не доросли вы, видно, молодой человек, до настоящей поэзии. А еще в отделе культуры трудитесь. Учтите, я до главного редактора дойду... Старик возмущенно хлопает дверью.

Через несколько секунд дверь резко открывается - входит классная руководительница 10-го «б». Алексей опять в середине 197о-х. Это родительское собрание, экстренно собранное по из ряда вон выходящему случаю нарушения дисциплины: накануне конца учебного года кем-то украден классный журнал. За партами оживленно переговариваются родители, у доски стоят десятиклассники.

- Итак, начнем, - строго говорит классная руководительница. - Сейчас каждый из вас даст честное комсомольское слово, что не крал классного журнала. А мы с родителями на вас посмотрим. Может быть, все-таки у вора совесть заговорит, он перестанет, наконец, трусить и честно признается во всем сам. Учтите: завтра директор вызовет следователя! Ну, ты, Геращенко, начнем с тебя.

- Даю честное комсомольское, что не крал журнал, - заунывным голосом лепечет веснушчатый Геращенко, На ним повторяют слова другие десятиклассники.

Чувствуя нелепость ситуации, Леша не может сдержать улыбки. ..

- Ты чего разулыбался, Петров?! И волосы снова отрастил как поп. Чтобы завтра же постригся и привел себя в человеческий вид. Тебе слово, - раздраженно стучит ключом по столу классная руководительница.

- Даю честное... - заплетающимся голосом, еле сдерживая помимо воли подступающий смех, отвечает Алексей.

- Подумайте, он еще и смеется! Какая наглость! - подает реплику с места одна из пышнотелых мамаш, на пальцах которой тускло поблескивают перстни и кольца.

- Вот-вот. Сначала журналы крадут. Потом смеются. Вот она – наша современная молодежь! Никакой ответственности! Разболтались совсем!

- Даю честное комсомольское… - раздается голос Гарика. Широко раскрыв глаза, он твердо и уверенно чеканит каждой слог.

Выходят вперед и дают клятву другие десятиклассники. На них внимательно смотрят родители, пытаясь понять, кто же из них лжет. Слов и реплик не слышно. На этом фоне звучит закадровый голос взрослого Алексея:

— Позже Гарик не раз хвалился тем, как ловко он "провернул" свое дело: уничтожив журнал, в котором по одному из предметов за год могла выйти "тройка", портившая его безукоризненный аттестат, он точно рассчитал, что все подозрения наверняка упадут на двоечника и лодыря Геращенко. Так и случилось. А мы все тогда промолчали. Я - потому, что чувствовал себя чужим в этом классе. Остальные знали злопамятность Гарика и крепость кулаков его телохранителя Никиты. Впрочем, об этом я знал тоже".

Во время последней фразы слышится знакомый звук реактивного самолета. По осеннему кладбищу середины 1980-х молча идет Алексей. Он держит за руку девочку лет шести.

- Папа, а куда мы идем?

- Я же тебе уже сказал - на могилу к дяде Сереже. Он погиб, когда тебя еще на свете не было.

- Папа, а зачем здесь самолеты летают, ведь на кладбище должно быть тихо-тихо. Чтобы птички пели...

Мимо по широкой аллее медленно идет похоронная процессия. Вперед неё ведут под руки плачущую женщину в черном…

Над головой снова снижается на посадку самолет...

Алексей с дочкой стоят у могилы Сергея. Девочка аккуратно кладет на мраморную поверхность букетик алых гвоздик...

- Папа, а дядя Сережа погиб на войне?

- Нет, доченька, он после первого курса уехал на Север. Денег хотел заработать за лето...

- Папа, а мы на автобус не опоздаем? - не дослушав спрашивает девочка и пытается самостоятельно завязать шнурок на ботинке. Алексей наклоняется, чтобы помочь.

И вновь Алексею шестнадцать. Завязав шнурок на новеньких, сверкающих лаком штиблетах, он выпрямляется в полный рост. Вокруг - возбужденная толпа. Вечер. В центральном городском концертном зале гастроли заезжей эстрадной знаменитости. Нарядно одетые парни и девушки сосредоточенно спрашивают лишние билеты у всех без исключения прохожих. Рядом с Алексеем - Сергей и некто по кличке "Симон" — одноклассник Сергея. Худой и высокий, Симон протискивается сквозь толпу.

- Сейчас узнаю, кто на контроле, - независимым тоном говорит Симон.

Около входа стоит автобус, и длинноволосые парни вытаскивают из него аппаратуру. Затем со ступенек грациозно сходит очаровательная солистка. Она что-то говорит своим длинноволосым музыкантам.

Всё происходит почти мгновенно. Из толпы выныривает вездесущий Гарик. В одной руке - роскошный букет белых хризантем, в другой - "репортерский" блокнот.

От имени прессы нашего города разрешите преподнести Вам эти цветы... - Вместе с - музыкантами Гарик, суетясь, скрывается за заветными дверями концертного зала.

- Ну, даёт! - не без оттенка зависти восклицает Леша, выискивая глазами Симона.

- Нам бы с тобой его пробивные способности, - вторит ему Сергей.

Толпа по-прежнему шумит, а Симона всё нет. Сам пролез, а мы ему и на фиг не нужны, - резюмирует создавшуюся ситуацию Сергей. - Может поедем домой? По моему, здесь ловить нечего, голый номер.

Подходит улыбающийся Никита.

- Ну, что, чуваки? Рванем через черный вход? Там как раз пиво в буфет сгружают. - Голос у Никиты уверенный, бодрый.

Сергей, Алексей и Никита бегут по темному коридору черного входа. За

ними - дружинники с красными повязками, внезапно раздается оглушительный свист. Такое предательство трудно было предположить: Никита, выхватив приготовленный заранее свисток и с чувством исполненного долга передает своих незадачливых компаньонов в крепкие руки подбежавших дружинников…

Никита с Гариком - на концерте. Алексей с Сергеем - снова на улице. По пожарной лестнице они упрямо поднимаются на чердак. Концерт уже начался. Сквозь проем в чердачном полу видна часть люстры. Больше ничего разглядеть нельзя. Из всей музыки слышны только звуки тяжело ухающей бас-гитары, да приглушенные аплодисменты. Уж лучше дома радио послушать…

Приятели спускаются вниз. В темноте огни освещают заметно опустевший сквер. Симон высовывается в окно второго этажа. Из него виден внутренний двор. Рядом - водосточная труба.

- Эй, парни! - негромко кричит Симон, увидев стоящих внизу Сергея с Лешей. - Давай сюда! Скорее! Это ваш последний шанс! По-быстрому!

Первым лезет по трубе Алексей. Симон подает ему руку, Алексей проникает внутрь и бежит ко входу на балкон концертного зала. Следом поднимается Сергей. Но когда Симон протягивает Сергею руку, тот разжимает пальцы и падает вниз..

Звучит закадровый голос: «О том, что Сергей упал, я узнал только назавтра. До сих пор мне стыдно за то, что, не дождавшись его, убежал. К счастью, Сергей отделался тогда синяками.

С легкой руки Симона одноклассники еще несколько месяцев называли его не иначе как "жертвой зарубежной эстрады".

На фоне закадрового голоса слышна та же самая мелодия, которую Леша с Сергеем "ч слышали на чердаке концертного зала. Ода же мелодия продолжает звучать в фойе городского кинотеатра, где тридцатилетний Алексей берет интервью у руководителя местного киноклуба - своего ровесника.

— Эх, говори, не говори, - руководитель киноклуба поблескивает очками в модной металлической оправе, - а ведь всё равно не напечатаете: зрителей нашего города, несмотря ни на какие перемены, продолжают пичкать коммерческой жвачкой, отправляя умные, проблемные вещи на склад. Да и наш киноклуб местному кинопрокату невыгоден. Подумаешь, соберутся сто с лишним человек... Какой от нас план? Им подавай набитые битком гигантские залы, да ленты с Бельмондо и Челентано. Тогда и переходящие знамена будут, и премии... А наш киноклуб...

Рядом, на стене кинотеатра красуются цветастые афиши развлекательных лент. Двое школьников, тыча в афиши пальцем, что-то восторженно обсуждают.

- Думаю, всё должно измениться к лучшему, культурная политика меняется, - пробует возразить Алексей.

- Ой ли? Наш прокат сформировал такого "массового зрителя", что волосы дыбом на голове встают! .

На экране мелькают "ударные" кадры из отечественных и зарубежных

"боевиков", где атлетического вида герои наносят зубодробительные удары по своим несметным врагам. На их фоне звучат слова из письма старшеклассницы в редакцию газеты.

- Уважаемая редакция! - слышится звонкий голос. - И хочу задать вопрос. Вот взрослые говорят - западные фильмы молодежи смотреть нельзя, джинсы фирменные носить - тоже самое. И зарубежную музыку слушать... А что же можно? Все почему-то думают, что если мы смотрим "боевики" и носим джинсы, то Запад на нас дурно влияет.

Нет! Попробуйте купить свободно билеты на Бельмондо или Челентано - дульки! Это те фильмы, которые мы любим, потому что там нет нудятины и бесконечной трепотни ни о чем. Я бы с удовольствием посмотрела и "Крестного отца" с "Челюстями" и Джеймса Бонда с Рэмбо. Вот это фильмы: недавно по телику отрывки показали. А то, что нам нравится, не надо хаять. Мы сами разберемся - что к чему, вот так!

Голос старшеклассницы говорит что-то еще, но его заглушает баритон Алексея.

-... кинообразование, расширение серии видеотек, - продолжает он начатую фразу, - всё это, несомненно, скажется на улучшении эстетического вкуса зрителей. И киноклубам здесь отводится почетное место.

Вы думаете, я это в первый раз слышу? – с грустной улыбкой говорит руководитель киноклуба. – Ладно: поживем-увидим. Статью вот вашу почитаем. И будем продолжать бороться за киноклубы, доказывая в сотый раз, что это не сборище интеллектуальных снобов, а встречи, людей, по-настоящему любящих искусство.

За окном кинотеатра идет дождь. На центральной улице потихоньку загораются тусклые и редкие неоновые огоньки. Шестнадцатилетний Алексей возвращается с вечернего сеанса. За кадром звучат неумелые Лешины стихи:

«Каждый день ожидаешь чего-то.
Вокруг - гнетущая неизвестность.
И тебе безразлично то, что большинству интересно.
Тусклый свет. Какой-то барак.
Ряды стеллажей уходят в бесконечность.
Среди них её не найдешь никак,
хотя ищешь целую вечность...
Ты уходишь всё дальше - её всё нет - впереди бесконечный ряд.
Вот оказалось тебе, что нашел ее след, -
Он уводит назад, назад...
И не видно её. Снова взгляд в темноту.
И жизнь кончается, гаснет свет, в бесконечности ты не нашел мечту,
а искал ее много лет.
Неужели пройдет, протянется жизнь!
Стоп! Ты дошел до конца!
На полпути, на проходе ложись,
Ты мечты не увидишь лица...».

- Декадентство какое-то, - насмешливо говорит Сергей, дослушав эти стихи до конца. Он сидит на диване в уже знакомой нам комнате с зеленым

торшером.

Сам посуди - кто это напечатает ? - Сергей включает проигрыватель. – Во всей стране сейчас к юбилею готовятся, а ты с какой-то туманностью возникаешь…

Так я же для себя, а не для печати, - обижается Алексей. – В следующий раз и читать не буду.

- В который раз обещаешь? Всё равно примчишься, как только озарение гениальности нахлынет... Послушай лучше: у Маккартни, это мне больше всего нравится. Особенно вот здесь. Не зря про него говорят, что он "великий мелодист!

- Кто же это говорит? И это в то время, как надо готовиться к юбилею? Скажи лучше, как у тебя с Ленкой?

- Сорвалось по глупости...

- Чьей?

- Моей, моей. Отстань! Кстати, она приглашает нас на день рожденья.

- Нас?

- Тебя, само собой, по моей наводке... Пойдешь?

- Когда? В эту субботу, вечером. Причем ее предки предусмотрительно отчалят. - Сергей берет с полки глянцевый журнал. – На - посмотри, Наверное, для тебя это излишне эротично, но фотографии сняты со вкусом.

Симон вчера приволок…

- Кто еще будет! - Алексей с напускным равнодушием переворачивает страницы заграничного журнала.

— А сегодня на "Зеркало" ходил… Пока ты почти каждый божий день в своей музыкальной школе прохлаждаешься. Удивительно, как тебя Ленка еще терпит...

- Ну и как? Народ смотрел?

- Ползала вышло посреди фильма. Рядом со мной сидели два долдона: всё время ржали как бешенные. А картина - высший класс! Не все понял, правда, Но вещь сильная, не хуже "Соляриса". Рассказывать не буду - сам посмотри сначала.

- Уговорил, завтра сгоняю вместо физкультуры. Всё равно кеды порвались. А то еще отправят картину на склад из-за твоих долдонов.

- Они такие же мои, как твои. - Алексей подходит к окну.

- Слушай, а почему твои родителям так нравится вторую смену вкалывать? Спать что ли любят по утрам?

Резко звонит телефон. Но трубку берет не Сергей, а Михаил Эдуардович. Над ним висит красный плакат: «Наш девиз - ускорение!". Это опять 8о-е годы, комната редакционного отела культуры. Рядом со столом Михаила Эдуардовича застенчиво сидит на краешке стула парнишка лег двадцати. По-видимому, студент. Напротив Алексей привычно строчит «горящую» статью.

- Я же вам уже на раз говорил: ваш материал не пойдет. Посылайте, куда хотите. Не пойдет. Да, это моё последнее слово. Жалуйтесь хоть в Москву. - Михаил Эдуардович бросает трубку и поворачивается к парнишке:

- Ну-с, с чем пожаловали в нашу скромную обитель?

Парнишка застенчиво протягивает тетрадку. Михаил Эдуардович некоторое время водит по строчкам глазами.

- Нет, вы только послушайте, Алексей Васильевич, о чем сейчас пишет наша молодежь:

«Выстрел - убегавшему в след.
Выстрел - и он упал.
Выстрел - и в дребезги мокрый снег.
Выстрел - смерти оскал.
Кто-то не добежал до берез.
Кто-то его убил.
Кто-то его подобрал и унес.
Кто-то похоронил.
Крест за отвагу сверкающий,
Крест медсестры успокаивающий.
Крест на мечте умирающей…».

- Пацифизм какой-то и декаданс! Вам, юноша, надобно учиться у классиков отечественной поэзии. Почитайте Пушкина, Лермонтова, Рождественского. Где ваша гражданская позиция? Где проблемы, волнующие сейчас всю нашу страну? Рифма хромает, размер не выдержан... Если и остальные ваши вирши в том же духе...

- А по-моему, неплохо, - вступается за парнишку Алексей. - Вторично - да. Но если поработать над словом...

- Ну, вот вы и поработайте с автором, Алексей Васильевич…

- У меня еще тетрадка есть. Хотите я принесу? - обращается начинающий поэт к Алексею.

Тот молча достает из ящика стола внушительную стопку тетрадей, папок, конвертов.

- Вот это - стихи. Есть и поэмы, романы даже. И все авторы живут в нашем любимом городе... Ладно, приносите завтра. А эту оставьте пока у меня...

Воспрянувший духом сочинитель почтительно кладет тетрадь на стол Алексея и, сжимая в руках шапку, выходит в коридор.

Если ты так будешь всех стихоплетов привечать, стола скоро для рукописей не хватит. Придется несгораемый сейф с двумя потайными отделениями заводить - для особо интимной лирики, - шутит Михаил Эдуардович. - Чтобы не забыть: на той неделе останешься за меня, я уезжаю в командировку по обмену опытом, в Сочи. Не сезон, правда, но хоть от своей благоверной отдохну недельку... Душно что-то, батареи жарят, как оглашенные...

Михаил Эдуардович открывает форточку, и в комнату сразу же доносятся звуки залихватской песни, которая несется, вероятно, из дома напротив: "А у меня всё схвачено, за всё заплачено! И жизнь моя налажена на много лет вперед…». Голос певца мощный, до предела самоуверенный, с модной хрипотцой. Его заглушает звон хрустальных бокалов. За роскошно сервированным столом в большой, ярко освещенной комнате человек десять старшеклассников отмечают день рожденья юной красавицы из Сережиной

школы - Леночки Синицыной. Среди гостей - Алексей, Сергей, Симон, еще несколько парней и девчонок. Гарика и Никиты, разумеется, нет.

Сергей встает из-за стола и подходит к магнитофону с внушительными стереоколонками.

- А теперь первый танец в честь нашей именинницы. Её любимая вещь!

Звучит знаменитый шлягер "Битлз". Сергей приглашает Лену на танец. Кто-то заботливо выключает верхний свет, комната освещается лишь хрустальными бра на стенах этой со вкусом обставленной импортной мебелью квартиры.

- Ну, что - ты решилась? - шепчет Сергей, нежно обнимая за талию свою партнершу.

Лена что-то шепчет ему на ухо. Алексей встает из-за стола, и, независимо пробираясь сквозь танцующих, выходит в коридор. Затем идет на кухню. Там уже целуется парочка. Алексей смущенно извиняется и заходит в ванную, яркий свет отражается в кафельных стенах. Леша внимательно рассматривает себя в зеркале. Причесывает свои и без того аккуратно уложенные волосы, включает кран…

В гостиной продолжаются танцы. Алексей входит туда, когда комната наполнена звуками еще одного популярного в 7о-е годы хита. Решительно подходит к Леночке с Сергеем.

- Сергей Петрович, вы разрешите похитить вашу даму на один танец?

- Ну, если только на один и последний раз за этот вечер, - благосклонно и как всегда иронично отвечает Сергей.

- Нет уж, вот захочу и буду танцевать с Алешей до самой ночи. - Леночка берет Алексея за руку. - А может, и до утра? Правда, Алешенька?

Алексей и Лена танцуют. Раскрасневшийся Симон, явно перебравший шампанского открывает балконную дверь, к нему подходят еще трое.

Хочу сказать тебе как лучшему другу Сергея. – Леночка приживается к Алексею упругим и стройным телом. - Как-нибудь в разговоре наедине намекни ему, что девичья честь для меня, в самом деле, предрассудок. Но это вовсе не значит, что я брошусь к нему позабыв обо всем на свете. Летом я поеду в Москву. Папа уже договорился с проректором университета. Хотя я и тяну на "золото", страховка никогда не помешает. А за пять лет учебы, знаешь, всё как может повернуться... А я не настолько люблю твоего друга, чтобы пожертвовать всем. Мой будущий муж вряд ли захочет получить от меня неприятный сюрприз в первую брачную ночь...

- Зачем ты это всё это мне говоришь? Сама ему и скажи - боишься, что ли?

- С чего так разволновался? Можно подумать, услышал что-то сверхинтимное. Скажу и ему, не переживай. Парень он красивый, на гитаре играет почти как его любимец Джимми Хендрикс. Но как бы это поточнее сказать - его будущее для меня проблематично...

Алексей молчит. Быть может, думает о будущем. Тоже не очень радужном. Вежливо отводит Лену к заскучавшему Сергею. И тут «врубают» задорный рок-н-ролл. Одноклассники привычно дергаются в ритме музыки. И только Симон и его собеседники остаются у балконной двери, что-то

довольно живо обсуждая.

- Таким как Леночка, жизнь - словно мед высшего сорта. – Симон закуривает дешевую сигарету. - А нам братцы, надо пахать и пахать.

- И не говори, - поддакивает рыжеволосая, веснушчатая Зина. - Такой шикарной жизни у нас никогда не будет. Конечно, и я не дура набитая, я тоже хотела бы иметь двухэтажный особняк, полный шкаф нарядов, «Мерседес»... Ездить по разным странам, отдыхать на в Монте-Карло, встречаться со знаменитостями... Но, милый, нам так не жить... У нас тут отцы торговыми базами не заведуют, а матери в спортлото по десять тысяч не выигрывают! Так я хоть с горя в киношку прошвырнусь - посмотрю, как за границей люди красиво жить умеют…

- Далась вам эта загранка. - Симон неторопливо делает еще одну сигаретную затяжку. - Кто умеет вертеться и у нас ловит кайф до самого упора. Важно не хлопать ушами, а ловить момент. Я, например, сразу после школы рвану по торговой части...

- В институт торговли, что ли?

- Обижаешь. На курсы продавцов! Зачем пять лет в институте корячится, тем более с моей успеваемостью, когда можно раз-два - и при дефиците, дефицит , братцы, сегодня - всё.

- Ну да, джинсики, икра красная, икра ананасная…

- Хотя бы. Давай, посмотрим годика через три. Я на тебя, ты на меня. Идет?

Алексей проходит мимо компании Симона, незаметно покидает комнату, открывает дверь на лестничную площадку, сбегает по ступеням вниз. Музыка становится всё тише...

Алексей (ему по прежнему 16 лет) выходит из подъезда на улицу. Это утро одного из следующих дней. Мисо пружинистой походкой идет спортивного вида парень.

- Эй, Славик, - говорит ему Алексей деланно бодрым и независимым тоном, - мне вот все твердят, что я хиляк, может, возьмешь надо мной шефство? Приобщишь доходягу к большому спорту?

- Ну, подгребай, хиляк, со мной на тренировку. Слабо?

- Что, прямо сейчас?

- Ну, сгоняй за спортформой - и поехали. Только по-быстрому, чтобы пар из ушей шел…

...На футбольном поле человек двадцать парней увлеченно гоняют мяч. Тренер сосредоточенно смотрит за ходом их действий и изредка делает замечания. Леша неумело пытается дать пас одному из игроков. Тренер отзывает в сторонку Славика и что-то тихо и недовольно ему говорит. В этот момент Алексей падает на избитое ногами пыльное поле. Тренер подзывает его к себе.

- Ну вот, что, парень, я не знаю, почему Станислав тебя к нам привел. Но нам такие, как ты, не нужны. У меня ребята с первого класса работают. Ты бы еще перед пенсией надумал стать звездой советского футбола. Ты меня правильно понял? Ну, тогда давай в раздевалку.

16-тилетний Алеша уныло покидает футбольное поле. На него

насмешливо смотрит взрослый Алексей, стоящий чуть в стороне от вратарской площадки. Алеша проходит мимо, не замечая этого взгляда, На поле продолжается тренировка. Тренер что-то оживленно говорит Славику, взрослый Алексей выходит со стадиона и опять попадает в восьмидесятые годы. Он останавливает такси.

- К концертному залу, пожалуйста, - говорит он водителю и садится на переднее сиденье.

... Алексей сидит в первом ряду рядом с оператором электронной аппаратуры. Это концерт пулярной рок-группы 80-х. Оператор что-то переключает на своем пульте, вспыхивает густой красный цвет. Из темноты сцены к красному лучу выходит высокий парень с гитарой. Льется негромкая, грустная мелодия, которую затем подхватывает рояль, едва заметно вклинивая в ее ткань отрывки знакомых классических мотивов. Пальцы пианиста легко перебегают от клавиши к клавише, рождая десятки смелых, неожиданных тем и замысловатых аккордов. Кажется, музыканты не видят ничего вокруг, полностью растворившись в музыке... Затем к ним подключается бас-гитара своим низким и глубоким тоном. И вот - заключительный аккорд, как будто оборвавший на полуслове исповедь души… В зале раздаются аплодисменты.

Затем на сцену выбегает белокурый парнишка лет 17-18-ти. Он удивительно пластичен, высокий, почти детский голос, усиленный многоваттными электронными устройствами, звучит звонко и весело. Он танцует модный танец, не выпуская из рук микрофона. Впрочем, от микрофона отключен шнур – номер идет под фонограмму… Зал оживленно реагирует на выступление... Через несколько минут к нему присоединяется стройная девушка в мини-юбке, лихо отплясывающая не менее невероятные "па". Она подпевает пареньку низким, немного хрипловатым голосом.

После окончания номера в зале шумят поклонники рок-музыки. Подростки вкидывают вверх руки с условно сжатыми пальцами, некоторые свистят. Паренек на сцене с обворожительной улыбкой объявляет: «Никто не верит, но сегодняшняя партнерша – это моя мама...». Зал взрывается громом аплодисментов. Выступление юной звезды продолжается.

Алексей видит, как мать паренька, скрытая от взоров большинства зрителей, стоит в углу сцены увлеченно пританцовывая на месте, шепчет слова его песен... Она счастлива. Она еще молода, у нее такой прекрасный и талантливый сын. Алексей всегда завидовал этой способности людей быть поглощенными своим счастьем, умению полностью раствориться в любимом деле, отключиться от всех конфликтов и проблем...

На белом экране за поющим певцом появляются цветные слайды. Это фантастические пейзажи, изображающие то ли северное сияние, то ли марсианские закаты. Рядом с Алексеем сидит школьник лет 15-ти, который время от времени вскакивает с места и восторженно машет руками. Еще больше увеличивают его восторги звуки неистового рок-н-ролла с грохочущим ритмом ударных. На сцену выбегают рослые парни и девушки. Коротко стриженный солист глухим, но достаточно сильным голосом выкрикивает немного искаженные английские слова, а нужные моменты

остальные участники группы истошно визжат в микрофон: "Ай лав май бейби, ай лав, май бейби, ай лав май бейби…". Всё громче грохочут ударные, ухает бас-гитара.

Голос солиста тонет в потоке звуков: время от времени прорываются отдельные слова, но к ним никто уже не прислушивается. Оператор дает резкий пульсирующий белый свет. Электроорган наполняет зал звуками, напоминающими свист ветра. Один из музыкантов начинает стучать ладонями по барабанам.

... И вот уже только руки бьют по барабану. Руки Сергея. Это вновь 70-е. В сережиной комнате собрались Алексей, Женька, сумрачный Володя и толстяк Коля. Идет запись рок-оперы, сочиненной Сергеем на Алешины стихи.

- Ну, ты понял, какой ритм мне нужен? - спрашивает Сергей у меланхоличного Володи. - Вот так и стучи.

Коля берет несколько аккордов на пианино. Сергей играет на самодельной электрогитаре соло...

- Как? - обращается он к Алексею.

- Клёво. Только давай сначала.

- Сегодня я увидел сон, не первый раз мне снится он... - фальцетом поет Алексей в микрофон.

Звучат корявые, псевдомногозначительные слова рок-оперы:

«Он умер случайно - прыжок в никуда,
Вечер. Кровь на столбе,
И печальный трубач заиграл тогда
На новой - черной трубе.
А потом говорят - вот второй такой,
Заменит того, кого нет в живых...
Он первый, первый, а не второй!
Вообще не бывает вторых!
Последнее солнце.
Поезд.
Наезд. Горящий стакан.
Отвернется. А после…
Кровь останется нам...
Теперь это всё –
На продажу.
Пойдет по рукам...
Отвернется еще и скажет:
Жизнь похожа на вспышки реклам»…

Пока ребята увлеченно поют эти неуклюжие стихи, за кадром слышен голос взрослого Алексея: "Нам всем тогда казалось, что мы сочиняем вещь почти гениальную. Без пяти минут шедевр. Жаль, эта запись не сохранилась. Помню только отдельные мелодии. Мне кажется, в этой музыке что-то было, что-то по-настоящему волнующее.

- На сегодня хватит. - Сергей выключает магнитофон. - Завтра прослушаем все предыдущие записи и пойдем дальше...

- Серега, всё это, конечно, нищак. - Женька поправляет очки. - Но, скажи,

зачем? Фирма "Мелодия" нас всё равно не поймет, я для дома, для семьи мы и так завсегда сбацаем. Ведь это только ты готовишься сталь великим музыкантом, я же и нот-то толком не знаю, В основном - по слуху режу. О Володьке и говорить нечего…

Слушай, Жека, - опять ты со своим утилитарным подходом, как говорит наша историчка, - отвечает за Сережу Алексей. - Не хочешь, не играй, не записывай, если душа не лежит. Футбол посмотри по телеку или "Спокойной ночи малыши"...

- Да ладно, заладил со своими малышами. Насочинял, понимаешь, стихов - смысла никакого не понять. Тоже мне - Пушкин...

- Завязывайте, чуваки, - Сергей, как всегда, пытается ликвидировать намечающийся конфликт. - Завтра собираемся после уроков здесь в то же время. О’кей?

Ребята потихоньку расходятся. Сергей с Алешей остаются.

- Ну, зачем ты, Леха, полез к нему с малышами? Вот он и завелся...

- Почему, почему? Как обычно: слова опережают мысли. Вот почему… Как у тебя с Ленкой?

Сергей молча ставит на проигрыватель пластинку: вот послушай, вчера достал. Нравится? Настоящий джаз! С Ленкой, по-моему, всё уже в прошлом. Было у нас недавно одно объясненьице... Ну, да ладно, короче говоря, сексуальная революция, о которой так много сейчас говорится во всем мире, её не коснулась, у нее такие далеко идущие планы - до 2000 года, включительно. Куда уж мне... Но нет худа без добра – посмотри, если не лень…

Сергей небрежно протягивает Алеше записку:

"Сережа! я хочу с тобой встречаться. Буду ждать тебя завтра на большой перемене в конце коридора на третьем этаже. На мне будет красное платье".

- Пойдешь?

- Не я, а ты.

- С чего это? Тебе записка - ты и иди. А я буду скромно дожидаться своей очереди...

- А вдруг липа? Или она страшнее атомной войны? Дурацкое будет положение. Выручай - иди в разведку.

Внезапно вспыхивает яркий дневной свет. Это строительная площадка где-то на севере страны. Наполовину построенный жилой дом, мимо которого неторопливо скользит на рельсах кран. Сергей (здесь ему лет 17-18) в форме студенческого стройотряда стоит на самом верхнем этаже, на краю стены. Рядом с Сергеем — бородач в темных очках.

- Ну, чего ты добиваешься? - устало говорит бородач. - Везде одно и то же, и ты здесь ничего не изменишь, кирпич налево по всей стране, простои тоже везде бывают. Тебе что, больше всех надо? Ты бренчишь на гитаре, поешь? Ну, так играй, пой, музыку сочиняй. Ты через месяц уедешь в свой город, а нам тут еще не один год вкалывать надо. Понял?

- Послушайте, откуда у вас такая уверенность, что ничего и никогда не изменится? - Сергей говорит запальчиво, стараясь перекричать шум электродрели. - Вот мы ездили в совхоз - там тоже самое...

- Почему не изменится? Изменится. Например, больше будут тащить со стройки... Ладно, ладно, остынь; когда тебе пойдет четвертый десяток, сам поймешь, что против ветра, как говорится... – Бородач вполне дружелюбно хлопает Сергея по спине и спускается вниз по лестнице.

А мне еще только второй десяток! - кричит ему вслед Сергей. Балансируя руками, он идет по краю наружной стены...

… Малыш, неловко размахивая ручками, идет по бордюру клумбы рядом с подъездом редакции. Это опять 8о-е годы. Алексей помогает малышу преодолеть последние сантиметры пути, и тот радостно бежит к своей бабушке, сидящей неподалеку на скамейке. Алексей заходит в редакционное здание. Ну, что, выполнил задание шефа? - сходу спрашивает его Михаил Эдуардович. - 200 строк будет?

- В лучшем виде.

- Ну, лады. Да, чуть не забыл: ребята из ментовки недавно «видик» конфисковали у одного барыги. Приглашают вечером на закрытый просмотр весьма вредной буржуазной кинопродукции. Как ты? Жена-то всё равно в командировке, а дочку теще спихнул, наверное. Ты же у нас главный спец по культуре. А контрпропаганда, брат, сегодня - первое дело... Я из-за этого вечера даже Нинке дал "от винта”. Ну, так что - ознакомимся с тлетворным искусством прогнившего Запада?

- Уговорил. Как ни судит, а в словосочетании «закрытый просмотр» есть нечто притягательное. Особенно для, тех, кто не избалован загранпоездками и видео.

Алексей смотрит на часы, затем набирает телефонный номер. По радиотрансляции передают ’’Танец с саблями” в современной обработке. Внезапно музыка обрывается. Возникает характерное для пиратского видео 80-х немного размытое цветное изображение:

За столом в явно иностранной телестудии двое - элегантный мужчина средних лет и очаровательная женщина. Мужчина - ведущий телепередачи. Они говорят по-французски, но их слова заглушает монотонный голос переводчика.

- Итак, последнее задание нашего конкурса, - с обаятельной белозубой улыбкой говорит мужчина. - Будьте любезны, назовите 20 синонимов слова "фаллос”.

Немного смутившись, женщина начинает перечисление. Она называет несколько слов, потом мучительно задумывается.

- Напоминаю вам, - всё так же мило улыбаясь, - подсказывает ведущий, - мы можем вам дать на размышление только одну минуту. На экране тотчас же возникает циферблат, неумолимо отсчитывающий секунды…

Это идет просмотр конфискованной видеокассеты. В небольшой комнате человек десять мужчин оживленно комментируют происходящее на телеэкране.

- Не знаю, как вы, ребята, а я смог бы назвать от силы десяток. На больше фантазии не хватает.

- Естественно, Миша, - острит пожилой усач. – Ты же больше по практической части горазд…

- Да уж, в теории, бог свидетель, не силен, - в тон ему парирует Михаил Эдуардович. - давайте мы вот у нашего ведущего эксперта спросим, сколько владелец сего произведения искусства может схлопотать? Годика два или побольше?

На экране телевизора тем временем разворачиваются события еще более пикантные: нагие мужчины и женщины купаются в огромном бассейне, затем к одному из вышедших из воды парней неторопливо подходит красивая женщина, в ее руке виден нож...

… С экрана раздается ужасный крик парня.

- Елки-палки, - не выдерживает душераздирающего зрелища Михаил Эдуардович. - Вот и ходи после этого с дамами в бассейн !

Заруби себе на носу, Миша, - подначивает сосед слева. – Тебя тоже может постичь такая судьба. …

Поти все сидящие у экрана курят. Вокруг телевизора вьются струйки дыма. На телеэкране мелькают кадры из какой-то другой ленты, заполненной кровавыми убийствами, драками, истошными криками.

- И часто вы такое смотрите? - спрашивает Алексей у соседа.

- Пока не очень. Провинция всё же. Но скоро работы у нас, думаю прибавится.

Алексей, закашлявшись от табачного дыма, выходит в длинный полутемный коридор. Ещё несколько шагов, и в конце коридора отчетливо различимо яркое свечение. Он бежит туда, словно боясь опоздать. Вот уже дневной свет, струящийся из широких окон. Это школа середины семидесятых годов. В конце коридора стоит одинокая старшеклассница в красном платье: преступное нарушение школьной формы!

Алексей (ему снова 16 лет) замедляет бег, переходит на неторопливый шаг и с независимым видом проходит мимо, стараясь незаметно рассмотреть автора адресованной Сергею записки, Затем Алеша спускается по лестнице на другой этаж, где в условленном месте около спортзала ждет его Сергей.

- Ну как?

- Да так себе, - уклончиво отвечает Алексей. - Кажется она из 10-«б». Впрочем, я в вашей школе мало кого хорошо знаю, могу и ошибиться.

Из спортзала весело выбегает ватага школьников, заглушая разговор Алеши и Сергея. На этом фоне звучит голос взрослого Алексея: «Потом мой друг увидел ее сам. Она не произвела на него должного впечатления. В таком возрасте часто привлекают не однолетки, а девушки постарше. Сергей не был исключением. Записка осталась без ответа».

И вновь ярко освещенный коридор. И старшеклассница в красном платье. И её глаза, наполненные ожиданием… А за окном школы - строящийся дом. Видно, как медленно скользит кран. На этаже, по самому краю верхнем, еще недостроенном наружной стены идет человек. Это Сергей в форме студенческого стройотряда. Он балансирует руками.

Это изображение становится всё меньше и меньше. Вот оно уже виднеется лишь издали, через оконное стекло в комнате, где 16-летний Алексей сидит за письменным столом. Рядом в кресле на диване меланхолически перелистывает журнал очкарик Женька.

- Женька, хохму хочешь?

- Чего?

У тебя почерк мелкий, на женский очень похож, я тебе всё потом объясню, а сейчас садись к столу, бери ручку и пиши...

- Я сегодня в школе забодался чирикать, рука чуть не одеревенела, - недовольно ворчит Женька, но заинтригованный подсаживается к столу.

Записывай: "Здравствуй, Сережа! Не удивляйся этому письму, хотя ты меня не знаешь. Я живу недалеко от твоего дома, и ты мне давно нравишься..."

- «… и ты мне давно нравишься. - Это уже Сергей с равнодушием, за которым скрыто волнение, продолжает читать то же письмо. - Если ты согласен со мной встретиться, то напиши ответ. Мой адрес на конверте. P.S. Свой адрес не указывай, я его знаю. Ольга Королева». - Что окажешь? Отвечать или нет? А то прямо одолели корреспонденциями…

- Напиши по-мужски, Коротко. - Алексей усиленно пытается изобразить крайнее восхищение успехом друга. - Одним словом: «Согласен». Пусть назначит место встречи. У тебя есть новые записи?

Сергей подходит к магнитофону, включает кнопку. Звучит нежная мелодия блюза, так напоминающая мотив, услышанный взрослым Алексеем на концерте 80-х годов.

Под эту же мелодию, которая слышится из другого магнитофона, опять в комнате Алексея, очкарик Женька усердно выводит строки «ответа»:

«Милый Сережа, диктует Алексей. - Я очень рада, что ты мне ответил. У меня дома встретиться нельзя - пьёт отец. Я тебя буду ждать в это воскресенье в полдень. В сквере у фонтана. Подойду сама. Но на всякий случай на мне будет бежевый плащ. Жду тебя. Оля».

- Вы что, к диктанту готовитесь? - в комнату заглядывает отец Алексея, в руках у него толстая книга, аккуратно обернутая белой бумагой.

- Мы уже закончили, папа. Поедем пройдемся по свежему воздуху.

- Только не забудь перед тем мусор вынести, а то накопилось тьма.

Гремя мусорным ведром, Алексей выходит на улицу. Женька плетется рядом. Темнеет. Внезапно вспыхивает памятное изображение: старшеклассница в красном платье. Ее полные ожидания глаза...

Воскресенье. Сквер. Довольно далеко от заветного фонтана на скамейке сидят Сергей с Алексеем. Сергей внимательно следит за всеми девушками, прогуливающимися рядом. Одна из них катит в коляске малыша, другая идет под руку с молодым человеком в офицерской форме. Третья рассеянно курит сигарету. Но ей на вид лет тридцать и одета она в синюю куртку.

- Час уже почти прошел. Наверное, отец не пустил, утешительно предположил Сергей.

- Как она может терпеть такого папашу?! Сергей вскакивает со скамейки. - Плевал я на него! И не таких видали! Пойду прямо к ней домой.

— Что ты, старик, - не на шутку пугается Алексей, моментально представив себе как искренне удивится некий Королев В.П., действительно проживающий по улице Транспортной, дом 68-А, квартира 54. Ещё бы: сначала глупые письма, потом непрошенный звонок в дверь...

- Понимаешь, это была шутка. Да, не слишком удачная. Никакой Ольги Королевой никогда не было. Давай лучше пойдет домой, музыку послушаем... - Алексей виновато опускает голову.

- Шутка? Но зачем? Ну, знаешь, не ожидал от тебя... – Сергей, не оглядываясь идет прочь. За ним бежит Алексей... А в сквере по-прежнему гуляют молодые мамаши и парочки, дремлют старики на скамейках, наслаждаясь уходящим осенним солнцем.

У фонтана шумит детвора. По одной из аллей идет грустная девушка. Ее темные волосы небрежно разбросаны по плечам. На ней плащ бежевого цвета. Независимой походкой она проходит мимо фонтана.

На мгновение задерживается, чтобы посмотреть, как стекают вниз прозрачные струи воды, и теряется среди прохожих...

Мимо того же фонтана идет Алексей. Ему снова около 30-ти. Он выходит к автобусной остановке, ловит такси…

- С утра вас ищу, где вы пропадаете? - главный редактор явно раздражен. – Сегодня на бюро опять поднимался вопрос Жукровского. Райком настоятельно рекомендует принять меры по поступившему от него сигналу. Что вы думаете по этому поводу?

Алексей замялся…

- На Жукровского телега из Москвы пришла. Помните, Жукровский накатал репортаж о столичном театре, который был у нас на гастролях? Так вот, пришла телега от одного заслуженного артиста республики, который с возмущением не нашел в статье своего имени и титула. Требует принять соответствующие меры к автору материала!

Алексей выходит в редакционный коридор. К нему подходит фотограф:

- Ты новую машинистку видел? Ничего девочка, я бы спустился с ней в фотолабораторию на часик-другой... - Эти слова фотограф произносит с привычно-шутливой интонацией. - Может подвезти? А то перерыв скоро.

- Поехали, а то разговор пошел уж больно философский.

Новенькие "Жигули" фотографа с умеренной скоростью проезжают по улице города. Из автомобильного магнитофона звучит запись одной из модных песен.

- Ты машину опять поменял?

- Оф коз: два дня назад. Старый "Жигуль" совсем забарахлил, собака. Слушай, давай заедем в одно место. Зачет проставить надо.

- Я раньше выйду, в центре. Ты который год учишься - седьмой?

- Слабо, старый - десятый уж годик идет, как вгрызаюсь в педагогические науки, скоро уже наверняка стану либо Макаренко либо Песталоцци...

- А зачем?

- Привычка, старик, вторая натура, высшее образование у нас пока бесплатное. Вот Сева: олух-олухом, а диплом оторвал в лучшем виде. А я чем хуже? Сам знаю, что сейчас от диплома особого проку нет. Даже от кандидатской. Я, к примеру, зашибаю, не меньше доктора наук. Фотоаппарат, старик, великая сила, если уметь им по-умному пользоваться. Да и риск меньше, чем в магазине или на складе .

- Останови здесь, пожалуйста. - Алексей выходит из машины и идет по

центральной улице мимо универмага, затем мимо строящейся многоэтажки...

... Сергей, балансируя руками, медленно идет по краю стены. Один неверный шаг, нога Сергея соскальзывает... Он еще пытается удержать равновесие, но срывается и падает вниз. Он что-то кричит, но голос его тонет в шуме пульсирующей рок-музыки.

Эта музыка продолжает звучать в комнате Сергея. Аппаратура включена по полную мощность. В комнате никого нет. На диване лежат разноцветные конверты пластинок. Из кухни слышны голоса Сергея и Алеши. Им шестнадцать…

- И черт меня дернул сказать Андрюше об этой подводной лодке! – Сергей наливает чай в стаканы. – Сам понимаешь – это была весть из-за бугра. Значит, ее проверять и проверять... А он по моей наводки об этом на политинформации... Аннушка наша так и взбеленилась: "Какая такая радиостанция могла передать данное сообщение, Симаков, пошли на поводу у диссидентов!". Короче, после мне Андрюше в глаза смотреть было стыдно. Ну, что делать - пойти и признаться, что это я?

- Глупо. - Алексей подвигает к себе сахарницу. - Во-первых, перед Андрюшей ты уже извинился. Во-вторых, Аннушка может всю эту историю уже завтра забыть…

- Да ладно, будь, что будет…

- А я вот вчера с одной познакомился. В отличие от нас с тобой – отличницей.

- И вслед за Леночкой собирается делать карьеру о Москве?

- У меня на сей счет разведданных нет…

- Намек понял: меняю пластинку. Завтра по области ожидается умеренная температура, давление 760 миллиметров ртутного столба, ветер северо-западный... А у меня для тебя сюрприз: по случаю разрядки международной напряженности в СССР приехал на гастроли знаменитый джаз-бэнд имени Великого Дюка!

- Слыхал, слыхал! А билеты?

- Хоп-хэй-хоп! - и Алексей движением фокусника достает из рукава три внушительных билета. - Кто купил билетов пачку, тот получит…

- ... водокачку! Старо. Мог бы вспомнить что-нибудь и поновее. А для кого третий?

- Догадайся!

- Для нее?

- Слушай, ты уже удивляешь меня своей проницательностью! Пойду, а то скоро свои предки с работы заявятся.

Алексей выходит на улицу. Недавно прошел дождь, и на мокром асфальте видны отражения освещенных окон и витрин магазинов. Мимо него проходит ватага подростков. Из транзистора несется какой-то шлягер…

- ... Ну, что? Завтра на дискотеке? Я балдею от этой клеевой музыки! Классно! Я тебе говорю - настоящий кайф можно поймать только в баре у "Форума"... Где ты достаешь "Мальборо"? Всё тип-топ…

До Алексея доносятся только эти обрывки фраз. Он медленно идет по улице, негромко насвистывая одну из мелодий, написанных когда-то Сергеем.

Алексей заворачивает за угол и… оказывается в фантастическом городе. Он идет по пустой безлюдной улице мимо роскошных дворцов и старинных храмов, освещенных словно изнутри оранжевым сиянием.

- "Мне с удивительным постоянством снится этот сон еще со школьных лет, - слышится закадровый голос Алексея. – И каждый раз я хочу понять, как я очутился в этом волшебном городе, и почему там нет людей, какая это страна, какой век? Я хочу войти в один из этих домов, но всякий раз мне никак не удается это сделать. Но я твердо знаю, стоит мне во сне завернуть в переулок, как я снова окажусь там... Иногда кажется, что в этом городе я встречу Сергея. Что стоит сделать еще несколько шагов, и я увижу его знакомую фигуру с гитарой в руках. Мне даже кажется, что я однажды видел его в этом городе, ничуть не удивившись его внезапному появлению. Даже говорил с ним. Только о чем? Не помню... А кажется о чем-то очень важным. О самом главном в жизни!

Алексей подходит к одному из зданий фантастического города. Спускается по ступенькам в подвал. Идет по полутемному коридору, в конце коридора открывается дверь. В дверях стоит Сергей.

- Ну, Леша, ты даешь! Мы с Симоном тебя уже заждались. Думали, что ты уже сдрефил...

- Предки задержали. - Алеша (ему опять 16-ть) заходит в небольшую комнатку. – У вас, что уже все готово?

Подвальная комната напоминает небольшую лабораторию алхимика: склянки, банки, сосуды, разноцветные жидкости. На стенах - фотографии, вырезанные из иностранных журналов: портреты кинозвезд, рок-групп, репродукции картин сюрреалистического и абстрактного толка. В углу - фотоувеличитель, пакеты от фотобумаги, ванночки для проявителя. Симон, одетый в вылинявшие джинсы и свитер, с торжественным и загадочным видом сидит за столом. Рядом с ним - свеча и коробка спичек.

- Ну, что, господа, начнем? - Симон зажигает свечу и выключает электрический свет.

Некоторое время Симон, Леша и Сергей сидят в полумраке, наблюдая за причудливой тенью свечи на стене.

- Долго еще? - шепчет Алексей Симону.

- Не дергайся. Свеча сама погаснет...

Еще несколько мгновений тишины. Затем свеча в самом деле, начинает гаснуть. Еще несколько секунд - и в подвале - полная темнота. В коридоре за дверью слышатся чии-то тихие шаги.

- Ты пришел? - заунывно-загробным голосом шепчет Симон.

Шаги приближаются к двери. Симон открывает ее, и Алексей вполне отчетливо видит какое-то голубоватое свечение в темноте коридора.

- Как ты думаешь, к нему можно подойти? – шепотом спрашивает Симона Сергей.

- Можешь попробовать, но за последствия я не ручаюсь, - голос Симона звучит авторитетно и веско.

Голубоватое свечение по-прежнему находится на расстоянии пяти-шести метров от самодеятельных "спиритов".

-Уходи! отходи! - шепчет Симон.

Свечение как по мановению волшебства начинает медленно удаляться. Симон закрывает дверь, зажигает спичку, от нее - свечу.

- Ты ушел? - тем же тоном профессионального медиума спрашивает Симон. Выждав несколько секунд, он включает электрический свет.

- Всё? - спрашивает его Сергей.

- А тебе, что – мало? Думаю, он уже ушел, можешь открыть дверь.

Алексей и Сергей заглядывают в коридор: свечение исчезло.

- Что это было? Карлсон, что ли замаскированный? - Сергей внимательно рассматривает свечу.

- Что-то в темноте тебя на шутки не тянуло, я же вас предупреждал, чуваки: фирма веников не вяжет. У меня всё как в госбанке: какая мне выгода, чуваки, вас на понт брать?

- Ладно, уговорил. - Алексей ставит свечу на место. – Завтра вечером опять придем смотреть на твоего дрессированного призрака. О’кей?

- Ничего не выйдет, чуваки, я свой недельный заряд биополя уже израсходовал. Теперь деньков через десять. не раньше?.

Сергей с Алексеем идут по вечернему парку. Это субботний вечер. В парке много молодежи, работают шумные аттракционы. Из громкоговорителей звучит модный шлягер: "Эти глаза напротив, и больше нет разлук, эти глаза напротив, мой молчаливый друг..."...

Никак не пойму, как это Симон делает. - Алексей поднимает с земли упавший лист. - Не могло же у него биополе только к десятому классу прорезаться.

- По-моему, он кого-то уже туда и раньше водил. Надо узнать.

- А вдруг у Симона действительно дар открылся. Может, он нас загипнотизировал. А под гипнозом легко любую чушь внушить, не только призрака...

- Самый короткий анекдот: Симон-гипнотезер. Почему же он до сих пор учителей не загипнотизирует или приведений к ним не пришлет? Ведь с двойки на тройку перебивается по многим предметам.

Алексей с Сергеем подходят к ограде танцплощадки. Довольно прохладный осенний ветер не мешает энергичным движениям парней и девчонок в распахнутых куртках и плащах. Они лихо отплясывают очередной "быстрый" танец. Лица у многих отрешенные. Несколько человек танцуют явно навеселе. Неподалеку скучают дружинники.

- Лажу играют чуваки, - говорит Сергей. - Соло фальшивое, аппаратура явно списанная. Не дай бог, меня ждет такое безрадостное будущее.

На сцене танцплощадки в это время музыканты стараются издать максимум звуков из своих нехитрых инструментов. Страшный грохот и свист…

Медленно крутится колесо обозрения. С верхних его кабин открывается чудесный вид на город, освещенный вечерними огнями…

- Да, забыл тебе сказать, - как бы между прочим продолжает беседу Сергей. – У меня вчера с одной получилось…

- «Сбылась мечта идиота»?

- Угадал: пять минут удовольствия, а наутро как вспомнил ее размалеванную рожу и липкие губы… Наверное, лучше онанизмом заниматься… Вот что значит перебрать лишнего. Кстати, мне ее Симон, подлец, подсунул…

Парк живет своей обычной субботней жизнью. На скамейках сидят целующиеся парочки.

Ял придумал финал нашей рок-оперы. Слушай... - и Сергей начинает напевать Алеше свою мелодию...

... Рев реактивного самолета. Кладбище, по которому идет траурная процессия. Запаянный металлический гроб. Алексей с траурной повязкой на рукаве пиджака... Скорбные глаза родителей, лишившегося единственного сына...

Вновь середина 80-х годов. Решительным шагом Алексей выходит из кабинета главного редактора, проходит по коридору, открывает дверь с надписью "Отдел культуры".

- Что-то ты разговорился с шефом, через десять минут уже рабочий день закончится. – Мишхаил Эдардович идет к шкафу за одеждой. - О чем был трёп?

- По-моему, я наконец-то отважился совершить один из самых главных в своем жизни поступков.

- Какой же? Неужели вызвался добровольцем на подшефную овощебазу?

- Не угадал!. Подал заявление об увольнении по собственному, будете перестраиваться уже без меня

- Ты это серьезно? – Михаил Эдуардович даже садится на стул от неожиданности. – Дурак! Уйти легче всего. Для этого большого ума не надо. Шеф еще год-другой - да и на пенсию. А там…

- Дело не только в шефе, неужели, если шефом станете вы, то что-то изменится?

- Ладно. Доживем-увидим, - в голосе Михаила Эдуардовича появляются жесткие нотки. – И запомните: пока вы еще в школе изволили портки протирать о парту, я уже существовал в советской журналистике. Ясно?

Михаил Эдуардович выходит, с шумом хлопая дверью..,

Алексей открывает форточку, собирает бумаги со стола и прячет их в ящик.

- Дядя, вы еще работаете?

Услышав детский голос, Алексей оборачивается. Перед ним стоит явно запыхавшаяся от быстрого бега школьница лет девяти.

- Еще работаю. А что случилось?

Дяденька, я вам заметку принесла про нашу школу. Очень важную. Это мне наша звездочка поручила.

- Ну, раз важную, давай сюда.

- Дядя, а вы ее напечатаете?

- Если хорошая заметка, то обязательно напечатаем...

- Там про металлолом. Мы ошибки всей звездочкой проверяли. Не сомневайтесь!

— Так ты бы сразу и сказала…

- Большое спасибо, дяденька, - взмахнув косичками девочка скрывается за дверью.

Алексей одевается и выходит в коридор.

- С утра и до вечера все ходят, ходят, - привычно ворчит уборщица, растирая пол шваброй. - Дома, небось, жены уже заждались, а они всё пишут. Писатели! Можно по .думать без них газеты люди жить не смогут...

Алексей выходит из редакции и оказывается на вечерней улице. Мимо пробегают ребята в модных куртках. "Эй, Джон, как ты насчет дискотеки? А Эллочка приедет? Слышал про последний альбом?..." - доносятся отдельные фразы подростков…

Алексеи медленно идет к автобусной остановке. Навстречу - молодая пара. Это шестнадцатилетний Леша и его девушка. Алеша обнимает свою спутницу, что-то шепчет, едва касаясь губами ее темных волос. Подъезжает полупустой автобус. Молодая пара садится в него, а тридцатилетний Алексей остается на остановке...

- Я еще на концерте хотел тебя спросить одну вещь, - обращается Алеша к девушке. В автобусе полно свободных мест, но они, прижавшись друг к другу, стоят на задней площадке.

- Могу ли я отличить Дюка от Армстронга? - насмешливо говорит Алешина спутница.

- Давай право на такие вопросы оставим Сергею. Меня волнует вещь куда более важная.

- Какая же?

- У тебя случайно нет бежевого плаща?

- Плащ продан. Но есть славянский шкаф…

- С тумбочкой что ли? Я серьезно, спрашиваю, а ты...

- Да не было у меня его никогда. А что, это теперь самый модный цвет?

- Я моде я полный профан. Только мне кажется, что я тебя уже видел где-то. Раньше.

- В этом дурацком плаще?...

В автобусе почти не осталось пассажиров. На одном из сидений спит какой-то пьяный, на другом - сидит старушка с хозяйственной сумкой. Алексей с девушкой выходят на одной из остановок и идут по улице на окраине города.

- Что ты почувствовала, когда я тебя первый раз поцеловал?

- Не люблю говорить о своих чувствах… Расскажи лучше о вашей рок-опере. Как там дела?

Не ответив на вопрос, Алексей останавливается и целует свою спутницу.

- Ну, хватит. Пожалуйста, оставь хоть немного на завтра. - Девушка прерывает затянувшийся поцелуй.

Вновь, взявшись за руки, влюбленные идут по слабо освещенной улице.

- Я так и не спросил - как тебе Сергей?

- По-моему, очень талантливый парень, думаю, наверняка поступит в музыкальный...

- А вот мне на искусствоведческий, видно, не судьба...

- Ну, не прибедняйся...

Родители настаивают, чтобы я поступал здесь, в Москве-де конкурс огромный, без блата не пробиться... Да и ты в столицу вроде не собираешься?

- Ну, у меня же не такие грандиозные запросы... Но, надеюсь в Москву ты боишься ехать не из-за меня?

- А может, вдвоем махнем?

- И дружно завалимся? У меня нет склонности к авантюрам. Хотя, если ты каждый вечер. будешь целовать меня с таким жаром - подумаю...

- Ну, вот, ты всегда шутишь.

- Мы не так уж давно с тобой знакомы, Алеша, а ты уже глубоко изучил мой характер? Впрочем, нашу дискуссию придется на время отложить, мы уже пришли. – девушка целует Алешу на прощанье коротким прикосновением губ и скрывается в подъезде пятиэтажного дома.

Алексей, постояв мгновение перед подъездом, бросается вслед. Он бежит по ступеням, нагоняет девушку на одной из лестничных площадок.

- Не забывай, что ты живешь на пятом этаже в доме без лифта, - шепчет Алеша.

- По-моему я уже сказала тебе спокойной ночи, - слышен ответный шепот.

Вокзальный перрон, по нему идет Алексей, держа за руку шестилетнюю дочку. У девочки в руках букетик красных гвоздик.

- Пап, а пап, а долго еще ждать? - спрашивает девочка, дергая отца за рукав.

- Скоро уже, еще немножко…

- Папа, а почему поезда больше, чем трамваи? Чтобы больше народу вместилось, да?

- Наверное. Ведь трамваи такие маленькие. И вагонов там – раз, два и обчелся…

Вдали показывается прибывающий поезд. Мелькают вагоны.

«Стоянка поезда 2 минуты», - слышен голос вокзального диктора.

Из вагона выходит молодая женщина с небольшим чемоданом.

- Мамочка! - радостно вскрикивает девочка и бросается ей на шею.

- Нам так не хватало тебя, - Алексей обнимает жену, берет её вещи.

- Мамочка, мамочка, а что ты мне привезла? - радостно щебечет дочка.

- Это пока секрет, - отвечает жена Алексея и смотрит на нее счастливыми глазами,

Все трое идут по перрону, мимо них проходят и пробегают встречающие, пассажиры и носильщики.

- Я тебе сегодня еще не говорил, что люблю тебя? – спрашивает Алексей, придерживая за руку подпрыгивающую на одной ножке дочку.

- Сегодня еще нет, - в том же полушутливом тоне отвечает ему жена. И дальнейшее продолжение разговора теряется в привокзальном шуме…

А. Викторов
(киносценарий написан в 1987 году)